

Познавательное о разном¹

Суд над жуками

В истории правосудия наблюдается немало курьезных случаев. К ним, в частности, относятся и судебные разбирательства, касающиеся представителей животного мира и даже насекомых. Эти дела, кажущиеся современному человеку абсурдными, в свое время рассматривались с полной серьезностью и соблюдением всех процессуальных норм.

В 1479 г. в швейцарском городе Лозанна состоялся уникальный судебный процесс. Местные крестьяне подали в церковный суд иск против майских жуков. Обвинение сводилось к уничтожению посевов и нанесению «непереносимого ущерба» виноградникам епархии.

Епископ воспринял дело серьезно. По правилам обвиняемые должны иметь адвоката. Жукам был назначен адвокат — местный юрист Перроде.

На заседание суда ответчик не явился. Жуки были признаны виновными и приговорены: «Покинуть пределы епархии навсегда от имени Святой Троицы и Девы Марии».

Это не единичный случай. В Европе с IX по XX в. прошло около 200 таких процессов. Судили крыс, гусениц, термитов, слизней, саранчу, мышей.

Иногда процесс шел совсем всерьез. Бартоломью Шассене, французский юрист XVI в., защищал крыс, обвиненных в уничтожении ячменя. Он заявил: крысы не явились в суд, потому что не получили повестку (живут разбросано по деревьям), а даже если бы получили — боялись пройти мимо кошек. Просил повторного слушания с гарантиями безопасности.

А в 1519 г. в Стельвио (Альпы) суд приговорил мышей покинуть город. С отдельной оговоркой: беременным мышам и мышам с детенышами — дается дополнительно 14 дней на эвакуацию и гарантия защиты от кошек и собак по пути.

Суд над долгоносиками произошел на юго-востоке Франции в 1545 г. Они обвинялись в беспощадном вредительстве и уничтожении виноградников в регионе Сен-Жульен.

Однако Франсуа Боннивар, председатель церковного суда, заступился за невинных созданий, указав виноделам на их грехи, следствием которых, по его мнению, и стали их неудачи в выращивании винограда. Чтобы и впредь избежать Божественного гнева, он призвал инициаторов процесса раскаяться в грехах, посещать мессы и заплатить десятину, которую они задолжали церкви. И тогда долгоносики, по всей вероятности, должны отступить.

Однако в 1587 г. слушания возобновились и продолжались восемь месяцев. Защитник насекомых пытался доказать, что эти божьи создания имеют полное право на поедание зелени, так как это необходимо им для жизни. Мэр

Юрий Григорьевич ШПАКОВСКИЙ,
главный редактор
журнала «Вестник
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)»,
доктор юридических наук,
профессор

¹ Материал подготовлен с использованием интернет-ресурсов.

Сен-Жульена внес предложение — создать для долгоносиков убежище, в которое они должны были удалиться, покинув виноградники. А если они этого не сделают, то отлучить их от церкви.

Босиком в снегу. Три дня перед папским замком

В одном из выпусков журнала мы писали о борьбе Бисмарка с католическим влиянием. В разгар споров Бисмарк заявил: «Мы не отправимся в Каноссу — ни телом, ни духом!» Но что это значило?

Прочти 800 лет назад, в январе 1077 г. у ворот замка Каносса в Италии стоял босиком в снегу самый могущественный человек Европы — 27-летний Генрих IV, император Священной Римской империи, король Германии, король Италии. В одной шерстяной рубаше. В январский мороз. Три дня.

По ту сторону ворот сидит папа Григорий VII (в миру носивший имя Хильдебранд). Но конфликт между ними был не из-за веры. Конечно же, из-за власти.

Папа ранее неоднократно требовал: только церковь должна назначать епископов. Никаких имперских ставленников. А епископы — это огромные земли, замки, налоги, армии. По сути — половина имперской экономики.

Император взбесился. И написал в Рим письмо, требуя от кардиналов избрать нового папу. Прямая цитата: «Хильдебранду, ныне не папе, а лжемонаху... Сойди, сойди — да будешь проклят на веки веков! <...> «Ступай вон!»

Папа не растерялся и отлучил императора от церкви. Все подданные Генриха автоматически освобождались от присяги. Эта, казалось бы, формальность — сработала.

Немецкие князья постоянно стремились к независимости от императора, а тут такая удача и поддержка местного населения — почти все земли приняли сторону папы. Отлученный император молниеносно потерял не только святость власти, но и фактические рычаги к управлению. По всей империи начались мятежи.

Генрих сломался. Перешел Альпы зимой — с женой и маленьким сыном — и приехал к папе. Император подошел к воротам Каноссы, ступая по снегу босыми ногами и одетый во власяницу — грубую одежду, которую носили кающиеся грешники.

Но папа Григорий VII отказался принять Генриха. Три дня подряд с раннего утра и до позднего вечера император стоял у закрытых ворот Каноссы с непокрытой головой и терпеливо ждал, когда папа смиловится над ним и даст разрешение войти в замок. Лишь на четвертый день ему было позволено войти в ворота и на коленях просить прощения у папы. Григорий VII заставил императора в присутствии аббата из Ключи и графини Матильды Тосканской признать себя неправым, «отказаться от гордыни» и смириться перед церковью.

28 января 1077 г. папа Григорий VII принял императора обратно в лоно церкви, разделив с ним причастие в соборе святого Николая, что означало официальное снятие отлучения.

Генрих IV у ворот Каноссы

Новой доктриной отношений светской власти с папой стал составленный, возможно, самим Григорием VII или его соратниками «Диктат папы». Этот документ постановлял, что папе одному принадлежит право назначения, перемещения и смещения епископов, разрешения важных юридических споров, созыва соборов, суда и наложения на императора и князей церковных наказаний, возложения на императора знаков отличия. Никто не имел права судить папу. Короли не имели права передавать власть по наследству, а выбирались, причем главенствующая роль в определении достоинств кандидата должна была принадлежать римскому понтифику.

Отложенное эссе

В январе 1952 г. британский философ граф Бертран Рассел, автор знаменитой «Истории западной философии» и книги «Почему я не христианин», получил заказ от лондонского журнала The Illustrated London News («Иллюстрированные лондонские новости»).

Журнал затеял большую серию статей про разные религии. И попросил Рассела написать вступительное эссе на самую общую тему: «Существует ли Бог?».

Гонорар обещали 100 гиней (в гинейх британцы до последних времен исчисляли стоимость породистых лошадей и писательские гонорары).

Рассел согласился и быстро написал текст. 10 марта 1952 г. редактор журнала Стэнли Джексон написал автору восторженный отзыв: «Крайне интересная и хорошо читаемая статья. <...> весьма стимулирующее произведение!» И не опубликовал.

Эссе пролежало в архивах 45 лет. Впервые его напечатали только в 1997 г. — после смерти автора. А в эссе была вот эта фраза: «Если я заявлю, что между Землей и Марсом по эллиптической орбите вращается фарфоровый чайник, никто не сможет это опровергнуть — при условии, что я добавлю, что чайник слишком мал даже для самых мощных телескопов. Но если я скажу, что мое утверждение опровергнуть нельзя — значит, в нем нельзя сомневаться, это была бы чепуха»

С тех пор это самый цитируемый чайник в истории философии. Или образец знаменитого английского юмора.

Гимн Российской империи

Государственный гимн — это не просто торжественная, хвалебная песнь, но и символ народного единства.

До 1816 г. в Российской империи официального гимна не было. На торжествах пели церковные песнопения. С 1791 г. неофициально исполняли «Гром победы, раздавайся!» (текст Державина) — военно-патриотическую песню, написанную в честь взятия Суворовым крепости Измаил.

А с 1794 г. параллельно звучал второй неофициальный гимн — «Коль славен наш Господь в Сионе» (стихи Хераскова, музыка Бортнянского). Это была чистая молитва Богу — без упоминания царя и врагов:

*Коль славен наш Господь в Сионе,
 Не может изъяснить язык.
 Велик Он в Небесах на троне,
 В былинах на земле велик.*

«Коль славен» звучал на каждой коронации. С 1856 г. мелодию вызванивали куранты Спасской башни Московского Кремля — до октября 1917 г. Главная башня страны 61 год звонила религиозный гимн.

В 1814 г. поэт Василий Жуковский написал стихотворение «Молитва русского народа» — три строфы за царя, за Русь и за народ:

*Боже, Царя храни!
 Славному долги дни
 Дай на земли!
 Гордых смирителю,
 Слабых хранителю,
 Всех утешителю —
 Всё ниспошли!» и т.д.*

В 1816 г. по указу Александра I этот текст положили на мелодию английского гимна God Save the King композитора Генри Кэри. Под названием «Молитва русских» произведение стало первым официальным гимном Российской империи.

Эта странная конструкция — русские слова на английскую мелодию — продержалась 17 лет.

Наступил 1833 г. Николай I вернулся из Австрии и Пруссии, где императора повсюду встречали английским маршем, который царю, мягко сказать, наскучил.

Композитор Алексей Львов оставил воспоминания: «Государь, сожалея, что мы не имеем своего народного гимна, и скучая слушать музыку английскую, столько лет употребляемую, поручает мне попробовать написать гимн русский». Львов сочинил новую музыку, а Жуковский написал новую редакцию своего стиха. Она стала намного короче (вероятно самый короткий гимн в истории России) и была всецело пропитана державной сущью:

*Боже, Царя храни!
 Сильный, державный,
 Царствуй на славу нам,
 Царствуй на страх врагам,
 Царь православный,
 Боже, Царя храни!*

Первое прослушивание было организовано для царя. Николай I высказался коротко и по-французски: *C'est superbe!* — «Это великолепно!»

И тут же подписал указ о введении нового гимна.

Салтычиха. Или монастырь как тюрьма для садисток-дворянок

В Российской империи монастыри традиционно использовались как места пожизненного заключения. Сажали туда обычно знатных женщин — тех, кого нельзя было поместить в обычную тюрьму по сословию.

Иоанно-Предтеченский монастырь в Москве (в двух шагах от Кремля) при основании в XV в. был чисто женской обителью. При Иване Грозном туда заточили вторую жену его сына Ивана Ивановича — с пострижением под именем Параскева, после нее — княжну Тараканову, предполагаемую дочь императрицы Елизаветы.

А в 1768 г. указом Екатерины II в этот монастырь поместили самую знаменитую узницу — Дарью Салтыкову, столбовую дворянку, родственницу Романовых через брак.

В будущем народ даст ей прозвища — «Людоедка» и «Салтычиха».

К следствию ее привлекли по жалобам крестьян: следователи доказали 38 убийств и подозревали еще 26. Жертвы — собственные крепостные, в основном молодые крестьянки. Отдельно отмечалось, что Салтычиха имела страсть убивать невест, буквально накануне свадьбы.

Жаловались на Дарью Салтыкову еще при царице Елизавете, но Салтыкова была настолько богата, что легко подкупала всех — от низов до самых верхов, пока на престол не вступила Екатерина.

Считается, что суд был показательным. Сенат не решился дать обвинительное заключение и всю ответственность переложили на монарха.

На царском указе рукой Екатерины II зачеркнуто слово она. По обвинительному заключению Салтычиху официально велели «именовать сие чудовище мущиною» — лишить женского статуса.

Вместе с ней судили и подельников. Среди них — местный священник Троицкой церкви, который укрывал улики и под угрозой принуждал крепостных давать ложные клятвы, что их близкие умерли «от естественных причин». Это позволяло Салтычихе годами оставаться неуязвимой. Священника лишили сана и отправили на каторгу.

Смертная казнь к тому времени в России была отменена. Сослать дворянку в Сибирь было нельзя по сословию. Поэтому Екатерина II назначила ей пожизненное заключение в монастыре — сначала 11 лет в подземной камере без света (огарок свечи давали только во время еды), потом — в каменной пристройке с окошком.

Охрану заключенных обеспечивали сами монахины — они были и надсмотрщицами, и прислужой. Внешний караул нес армейский гарнизон — солдаты, представленные к монастырю.

Салтычиха просидела в монастыре 33 года. Умерла в 1801 г., в возрасте 71 года. По монастырским преданиям, в возрасте 50 лет она родила ребенка от одного из солдат-охранников.

Использовать монастыри как тюрьмы — практика общеевропейская: туда заточали и тамплиеров, и неугодных королей. Российская особенность заключается в том, что эта практика дожила до эпохи Просвещения, а насилие над крепостными крестьянами еще долго оставалось... повсеместной нормой.

День сурка

В немецких сельских общинах с XVI в. существовала фермерская примета, называвшаяся «дахстаг», или «день барсука». Если 2 февраля барсук выходит из норы и видит свою тень — зима продлится еще четыре недели. Если небо пасмурное и тени нет — весна близко.

2 февраля было и церковным праздником — Сретением (по-немецки Lichtmess). А со Сретением у многих европейских народов (в том числе и в России) были связаны свои приметы, и прежде всего отмечали, что в этот день зима встречается с весной.

Вокруг этого и выросла фермерская традиция: наблюдать за животными, чтобы предсказать погоду на посевную.

В XVIII в. немецкие крестьяне массово эмигрировали в США — в Пенсильванию. Они привезли с собой и свои приметы, в том числе «день барсука».

Беда была одна: в Пенсильвании барсуков не было. Зато были сурки. Животное поменялось — примета осталась прежней.

В 1887 г. в крошечном городке Панклатони в Пенсильвании местные жители официально объявили: сурок Фил — главный американский предсказатель погоды. С тех пор каждый год 2 февраля толпа собирается у его норы.

В 1993 г. вышел голливудский фильм с Биллом Мюрреем. Сурок и Панклатони стали мировой легендой. О том, что этот праздник пришел из немецкого фермерского календаря, мало кто знает.

Истории бороды

В 1698 г. Петр Первый издал один из своих самых неоднозначных указов — об обязательном бритье бороды. Это произошло сразу после возвращения царя из Европы — Великого посольства.

Указ государя вызвал серьезное недовольство как среди бояр, так и среди простого люда. Ведь сбривание бороды шло вразрез с православными

представлениями об образе христианина. По распространенной версии этот указ был данью Петра европейской моде.

А почти за полтора столетия до этого, в 1551 г., в Москве собрался большой церковный собор — его решения уместились в сто глав, поэтому он и вошел в историю как Стоглавый. Созвали его Иван Грозный и митрополит Макарий, чтобы навести порядок в церковной жизни.

Среди ста глав была и сороковая — «О пострижении брад».

Собор назвал бритье бороды прямо — «латинская ересь», т.е. чужой, католический обычай. И сурово постановил дословно:

«Аще кто браду бреет и преставится тако, не достоин над ним служить, ни сорокоуствия по нем пети, ни просвиры, ни свещи по нем в церковь принести, с неверным да причтется».

То есть человека, который умер бритым, нельзя было отпевать, поминать на церковной службе, приносить за него просфору, ставить за него свечу. Хоронили буквально как иноземца другой веры.

Стоит ли говорить о том, с каким сопротивлением столкнулся Петр I, когда издал указ об обязательном бритье бороды? Тем не менее после смерти Петра I ношение бороды у высших сословий еще больше ста лет считалось признаком дурного тона.

Пошлины на бороды отменили лишь при Екатерине II, во времена ее правления обязательное бритье бород и усов предписывалось только придворным, чиновникам и военным.

При Николае I дозволение носить усы получали все офицеры — и кавалеристы, и пехотинцы. Соответствующий приказ касался и флота. А вот при Александре II в моду вошли бакенбарды, и главное — в 1874 г. император разрешил носить бороду всем военнослужащим (кроме жандармов, свиты, гренадерского корпуса и гвардии).

Александр III, будучи большим поклонником всего народного, оставил это разрешение без изменений. Он стал первым бородатым императором в истории России.

После 1917 г. к бородам относились с почтением: ведь триумvirат основоположников и идеологов (Энгельс — Маркс — Ленин) представлял все многообразие мужских бородатых образов.

Впоследствии ограничения на ношение бороды и усов касались только силовых структур. Так, в Красной, а потом и в Советской армии гладко выбритый подбородок сделался неотъемлемой частью образа военнослужащего.

